

СЕРГЕЙ СНЕГОВ

ПРЫЖОК НАД БЕЗДНОЙ

БРАТЯ РОЙ И ГЕНРИХ ВАСИЛЬЕВЫ ///

SERGEY SNEGOV
JUMP OVER THE ABYSS

Братья Рой и Генрих Васильевы

Сергей Снегов

Прыжок над бездной

«СОЮЗ»

1981, 1977, 1987

Снегов С. А.

Прыжок над бездной / С. А. Снегов — «СОЮЗ», 1981, 1977, 1987 — (Братья Рой и Генрих Васильевы)

ISBN 978-5-6050125-6-6

Братья Рой и Генрих Васильевы продолжают свои увлекательные расследования. В этот раз им предстоит разгадать загадку некоего шара, захваченного звездолетом «Протей». Спасти от неизбежной гибели и деградации жителей планеты Леония, для которых с недавнего времени здоровье стало показанием к немедленному лечению. Помочь старому школьному товарищу, родившемуся под звездой Великих Провалов в созвездии Скорбных Путаников, избавиться от проклятия, и попытаться измерить силу любви. В сборник вошли рассказы из цикла: «Братья Рой и Генрих Васильевы»: «Прыжок над бездной» «К проблеме среднего» «Рожденный под несчастной звездой» «Арифметика любви»

ISBN 978-5-6050125-6-6

© Снегов С. А., 1981, 1977, 1987

© СОЮЗ, 1981, 1977, 1987

Содержание

Сергей Снегов	6
1	6
2	9
3	13
4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сергей Снегов

Прыжок над бездной

© Т.С. Ленская

© Е.С. Ленская

© ИП Воробьёв В.А.

© ООО ИД «СОЮЗ»

Сергей Снегов

Прыжок над бездной

1

Рой знал, что новое задание по номенклатуре проблемного отдела Академии наук относится к высшей категории трудности. Боячек не скрывал опасений:

– Ни с чем похожим на это мы не встречались. И пока не способны оценить, что сулит возня с таинственным шаром. Возможны открытия ошеломляющей важности, а всего вероятней, что проблема вообще не имеет решения. Мы пока слишком мало знаем о структуре Вселенной, хотя и астрофизики и космологи уверяют обратное.

Вряд ли президент Академии наук употребил бы столь сильные выражения, если бы не имел серьезных оснований. Рой иронически поинтересовался:

– Нам, стало быть, предстоит найти решение проблемы, которая вообще не имеет решения? Я верно понял?

– Нет, конечно, – и сами это знаете, Рой. Вам надлежит всесторонне исследовать загадку, а что получится – решение загадки или доказательство, что решения нет – будет видно. Я просил Корытина помогать вам. Он придет к вам в лабораторию.

Рой мог многое возразить против нового задания. В лаборатории братьев было полно незавершенных работ. Рой не считал себя подготовленным к распутыванию астрофизических тайн. Вылет на Виргинию был несвоевременным. И если бы Рой надеялся, что Генрих его поддержит, он выложил бы полный набор убедительных возражений. Но Генрих, отмахивавшийся от любых новых тем, исключение для заданий Боячека делал. На нежность к нему старого ученого Генрих отвечал горячей привязанностью. Просьбы Боячека звучали Генриху неотвержаемыми приказами. А взаимоотношения братьев давно сложились так, что когда Генрих запальчиво кричал «нет», это вовсе не означало реального «нет». Генрих легко отказывался от своих отказов. Зато если он объявлял «да», то это было «да», и ничто иное. На всякий случай Рой усилил неопределенность задания и стусил черные краски трудностей.

– Старик не уверен, имеет ли загадка шара физическое решение, сказал Рой осторожно. – Во всяком случае, привидение с того света...

– Ты прав, привидение! – с восторгом воскликнул Генрих. – И мы с тобой установим меру материальности космического призрака!.. Если тебе нужно мое согласие, считай, что оно у тебя есть.

– Я рад, что ты не возражаешь против рейса на Главную Космостанцию, Генрих. – Хоть немного и разочарованный быстрым согласием брата, Рой немедленно перешел к действию. – Планетолет на Марс уходит завтра, там пересядем на рейсовый звездолет. Лабораторию оставим на Армана.

Вечером в Институт Космоса ворвался Андрей Корытин. Этот человек не приходил, а вторгался, не появлялся, а возникал, не здоровался, а накидывался. И говорил с такой страшной торопливостью, что не находил пауз для знаков препинания, – речь лилась сплошным потоком, не разделяясь на фразы и не останавливаясь на точках. И он любил поговорить, спешил поделиться мыслями. Беда была в том, что мыслей у него всегда было больше, чем слов, и мысли проносились быстрее, чем он мог их высказать, – речь Андрея превращалась в столкновение мыслей, они вспыхивали и погасали в беге фразы. Генрих как-то пошутил: «Поймать Андрея трудно, его слова взрывающиеся искры, зато его хорошо слушать без света: речь Андрея тысячами вспышек озаряет физическую темноту».

Андрей пришел с двумя сотрудниками; оба – миловидная женщина и юноша – были братьям незнакомы, но Корытин и не подумал представлять их: надо было немедленно освободиться от распивавших его идей. Он закричал, едва распахнув дверь:

– Здравствуйте, братцы мистикофизики, здоровы, здоровы, и я тоже, не надо пустых пожеланий. Замечательное событие, правда, удивились, не сомневаюсь, что распутывать назначено вам, тут посодействовал я, у вас обоих дьявольский нюх на необыкновенное, я так и бухнул президенту: «Только они, никому другому!», ведь главное в чем, поймите, ведь тайна какая: куда девается поглощаемая шаром энергия, пропасть без дна, одно слово – непостижимо, вот почему я думаю...

Рой мог так форсировать голос, что легко заглушал скороговорку Андрея. Он воспользовался своим преимуществом:

– Может, начнешь с того, что познакомишь со спутниками?

Андрей редко обижался, если его обрывали, он знал свои недостатки. Он засмеялся: добродушный смех над собой, так он считал, вполне извинял любую нетактичность. Юноша, казавшийся мальчишкой, был уже известным космологом, Андрей с увлечением перечислял его работы. Об одной братья слышали гипотеза пузырьчатой вселенной, так автор назвал ее. В ответ на восхваления шефа он покраснел, умоляюще замахал рукой, но братья заметили, что глаза Курта Санникова, так звали юношу, смотрели холодно и уверенно. «Парень знает себе цену», – сказал о нем Генрих потом.

А миловидная женщина, Людмила Корзунская, астроэнергетик, свободно протянула руку, открыто глядела в глаза, ни в движениях, ни в словах, ни в выражении лица не показывала стеснительности или смущения. И хоть братьям имя ее ни о чем не говорило – а сами они, знаменитые, размноженные в миллионах фотографий, были ведомы каждому, и это накладывало отпечаток неравенства при любом знакомстве – Корзунская держалась так, словно понятия не имела о каком-то неравенстве: возраста, званий, научного авторитета, того, что она женщина и четверо ее собеседников мужчины и о троих – Генрихе, Рое, Андрее – известно, что они одиноки и что многие женщины с радостью «составили бы их счастье», как именовалось такое событие. И Генрих, после гибели своей невесты Альбины сторонившийся молодых женщин, с приятным удивлением почувствовал, что ему нравится свобода Людмилы и что он сам может держать себя с ней раскованно, и что вообще это изящное, хрупкое, коротковолосое, сероглазое существо в обычном рабочем комбинезоне – чуть лишь по красивей скроенном – из тех, о ком говорят «парень свойский».

– Надеюсь, нам удастся распутать все тайны, – сказала она просто, как если бы говорила: «Надеюсь, не холодно, надевать пальто не будем».

Голос – низкий, звучный, медленный – не очень вязался с фигуркой, в нем было больше силы, чем обаяния, но и голос понравился Генриху. Когда гости ушли, он сказал брату: «В этой девушке прекрасно даже не прекрасное». И Рой, не столь увлекающийся, согласился, что новая их помощница показывает себя с лучшей стороны одним тем, что не старается этого делать.

Андрей вскочил.

– Представления закончены: программа ясна, теперь пойду, терпеть не могу напрасно болтать, а у вас так забалтываешься, спасу нет, не забывайте, что тайна – одна, на другие не отвлекайтесь, выясните, куда девается энергия, все остальное – пустяк, пропасть без дна, говорю вам. Люда, это по вашей части, Курт, не зарывайтесь, шар Петра Кэссиди – это не то волшебное яйцо, из которого возникла вселенная, иду, иду, тысяча дел, просто удивительно, до чего вы задерживаете занятого человека, Генрих, проводи меня, Рой, не таращись, у меня к Генриху важное дело, он потом тебе расскажет.

За дверью Андрей говорил так же торопливо и бессвязно, лишь понизил голос. Он вручает своих спутников персональному попечению Генриха. Собственно, о Курте он не беспокоится. Этот человек зарывается в идеях, но не в поступках, он точен, исполнительен и осторожен.

А Людмила, по древней поговорке, – «большой джентльменский набор» сумасбродства. От нее надо ждать любых неожиданностей, предвидеть одно непредвиденное, считаться только с нерассчитываемым, и вообще, самое вероятное в ее поведении устраивать самое невероятное. Она из породы тех, кто на посту раньше стреляет, а потом кричит: «Кто идет?» И, стало быть, пусть братья поберегутся выставлять ее на передовые посты исследований – втянет в опаснейшие эксперименты, целым из них не вылезть. Зато прислушиваться к ней стоит, в десяти случаях она врет, просто рукой махнуть, такие глупости, а в одиннадцатый раз выдает ослепительную идею, только зажмуривайся от яркости!

– Твоя черта! – Генриху удалось найти щелочку в плотно летящей речи друга. – И ты десять раз – носом в лужу, один раз – на такую высоту, что голова кружится – у меня, во всяком случае.

– Моя черта, моя, Генрих. Кое-чему научилась, третий год вместе работаем, только я о другом, последнее по счету, но не по важности, в общем, не хочу скрывать, если суждено мне быть женатым, то на ней, я на женщин не падоку, а здесь вот просто споткнулся и рухнул...

– Неужели ты?..

– Не прерывай, отвратительная у вас с Роем привычка, никогда не даете договорить! Короче, она согласна, но поставила условие – раньше командировка на Главную Космостанцию, замужество по возвращении, блажь, но уступил, возьми ее под персональную опеку, тактично, мягко, дружески, без роевского диктата, в очень опасные дела не назначай, у тебя хорошая душа, ты понимаешь!

– Невесту мы тебе возвратим в добром здравии и хорошем расположении духа, – пообещал Генрих с улыбкой.

Просьба Андрея немного растрогала Генриха, он и не подозревал, что властный, страстно преданный науке Корытин способен на такие «посторонние делу» поступки, как любовь. Генрих возвратился, не погасив радостно-сочувствующей улыбки, она мигом стерлась, когда на него поглядела Корзунская. Чувства на ее лице отчетливо выпечатывались: ей не нравилось, что Генрих улыбается. Она нахмурилась, глаза потемнели, она показывала, что поняла, о чем шел разговор за дверью, и что ее возмущает покровительство: она такой же сотрудник экспедиции, как и остальные, она не позволит к себе относиться по-особому.

Генрих смешался, он всегда терялся, встречая отпор – молчаливый, но явный. Рой вопросительно поднял брови, он уловил что-то неладное. Генрих чуть заметно кивнул головой – правильно, кое-что есть, после расскажу.

2

На Марсе братья с сотрудниками пересели в рейсовый звездолет. До Виргинии было больше месяца пути, и добрая треть рейсового времени тратилась в окрестностях солнечной системы, где сверхсветовые скорости, связанные с разрывом пространства, запрещались. Этот первый, досветовой этап, был самым интересным – звездолет облетал дальние планеты. На Уране и на Нептуне разрешалось выбраться наружу и побродить по древнему космическому льду обеих планет. Генрих, забывший счет своим посещениям дальних планет, с охотой играл роль экскурсовода. Курт с часок походил по Урану, еще меньше отдал нептуновым прогулкам, зато Корзунская резвилась. Она все взбиралась на холмы и катилась вниз, даже старалась скользить по гладким поверхностям, но мертвые льды держали крепко, по ним можно было катиться и бегать, но не скользить: коньки примерзали ко льду, она тут же падала, пытаясь оторвать от него ногу.

– Возьмите пример с Курта, Людмила, – советовал Генрих. – Он знает, что на морозе в двести градусов коэффициент скольжения почти равен нулю, и не думает бороться с этим непреложным фактом. Он мудро усвоил, что до возвращения на Землю нечего и думать о конькобежных развлечениях.

– Вы путаете мудрость с вялостью, – возражала Корзунская. – Ему просто лень восстать против скверных физических законов. Он раб, а не революционер науки! – И быстро сменив пренебрежение на лукавую мечтательность, добавляла: – А как бы хорошо потом похвалиться: я каталась на аммиачном льду, присыпанном кислородным снежком, при минус двухстах или двухстах тридцати, точно не помню, только было холодновато.

Она хохотала, Генрих улыбался. Так – со смехом – они бегали по планетному космодому. Рой не выходил из каюты: ни Уран, ни Нептун его не интересовали, надо было изучить материалы, полученные от Боячека, – доклад Петра Кэссиди, командира «Протея», штурманский дневник, рассказы участников экспедиции – материалов было уже столько, что, показав на ленты и кристаллы с записями, Рой двумя словами мрачно охарактеризовал Генриху их содержание: «Голова пухнет!»

На Нептуне Санников учтиво попросил Роя о разрешении поговорить наедине. Рой все не мог привыкнуть к противоречию смущенно краснеющих щек, вежливых до униженности фраз и холодного, почти дерзкого взгляда. Парень нетривиален, все снова говорил себе Рой.

– Давайте договоримся, Курт, – предложил Рой. – Мы разговариваем друг с другом, не спрашивая разрешения. Прошу заходить ко мне в любое время.

Санников вскоре постучался к Рою.

– Прежде всего объясню, почему разговор наедине, – начал он. Собственно, против вашего брата у меня возражений нет. Но Людмила стала бы меня обрывать, она без этого не может. Она считает меня рабом науки.

– Следует считать, что такое обвинение ложно и вы вообще не раб науки? – уточнил Рой.

– Нет, почему же? Все верно. Вообще, замечу в скобках, Людмила редко ошибается в оценках, у нее дар схватывать существенное. И во мне она уловила главное мое свойство – не разрешаю себе отступаться от науки. При желании поиронизировать это можно квалифицировать и как научное рабство.

Санников сидел на диване пригнувшись, положив руки на колени. Гораздо проще было бы откинуться на спинку, закинуть ногу на ногу, сам Рой признавал только непринужденные позы, а юноша показывал, что скромн, смирен, почти смиренен. И он, похоже, искренне не сознавал, что сама его старательно культивируемая скромность – вызывающая, что нарочитая робость сходна с дерзостью. Рою захотелось подразнить Санникова.

– Вам нравится моя каюта, Курт? – Рой обвел рукой стены.

Санников непроизвольно повел головой вслед движению руки Роя. В его глазах засветилось удивление.

– Какие странные краски! Вы сами выбирали их?

Каюта мерцала безднами оттенков фиолетового цвета, в ней не было двух одинаковых участков: красно-фиолетовое сияние превращалось в золото-фиолетовое, золото-фиолетовое становилось зелено-фиолетовым – все было фиолетовым: и стены, и мебель, и потолок, и полы, – и все светилось по-иному, чем рядом, и ярко-фиолетовое погасало в сумрачно-фиолетовом.

– Я люблю фиолетовый цвет, Курт. В нем что-то увлекательно нездешнее, недаром ваш шеф назвал нас с братом мистикофизиками. Фиолетовость, по-моему, равнозначна таинственности. Я и попросил окрасить мою каюту в цвет, напоминающий, что великие тайны – типичность мира. Ведь фиолетовость – крайняя граница видимого спектра, она предвещает закат в невидимость.

– Нет, я реалист, – сказал юноша. – Мир, по-моему, очень прост, только мы не всегда понимаем его простоту. У нас не хватает фантазии на простое, мы нагромождаем сложности. Это от нашей собственной примитивности.

– Сложность от примитивности? Я правильно понял, Курт?

– Совершенно правильно, Рой. Вы не изучали дикарский период человечества? Мне пришлось. Дикарь – интеллектуально примитивен, а ведь как дьявольски сложно его представление о мире! Всюду непонятное, необъяснимое, загадочное, всюду потусторонние силы, призраки, привидения, духи, боги, черти – в общем, мистика. А в основе мистики лежит мистификация. Дикарь мистифицирует природу тем, что видит в ней лишь то, что открывается его скудным чувствам, и пытается внести логику в хаос восприятий. Вот так он придумывает сложнейшую теорию эпициклов Птолемея, чтобы объяснить себе видимое движение планет.

– Дикарь придумывает теорию эпициклов Птолемея? Впервые слышу!

Курт разрешил себе показать небольшое раздражение:

– Птолемей, я знаю, писал книги, принимал ванны, умащивался благовониями: не дикарь, но примитивный по логике человек, строивший координатную систему отсчета от себя как от пупа мироздания. Полагать себя центром природы примитивно, от этого мир жутко усложняется, в его простые законы вторгаются разные фиолетовости, граничащие с провалом в потусторонность.

Рой с интересом наблюдал, как спадает с молодого космолога напыленная на себя смиренность. Рой вежливо уточнил:

– Вы пришли изложить мне философию того, как примитивное понимание природы порождает мистику?

– Вы сами знаете, что не для этого. Меня тревожит практическая программа поисков, а не общеполитические проблемы.

– Я все-таки не понимаю...

– Выслушайте меня терпеливо, Рой! Знаете, почему-то никому не могу методично рассказать все свои... Людмила взрывается на второй фразе, но у других внимание тоже быстро исчерпывается. Вероятно, я чем-то раздражаю слушателей...

Рой засмеялся.

– Валяйте, Курт. Обещаю внимательность. Догадываюсь, что вы хотите связать проблему шара с гипотезой пузырчатой вселенной.

Да, именно это он и хотел сделать. Он постарается быть кратким. Его теория происхождения вселенной абсолютно проста и логична – как, впрочем, и сама вселенная. Мировой вакуум – бесконечно сжатая среда, нечто вроде теста, распираемого внутренним брожением и порождающем пузыри. Пузыри вырываются из вакуума. Они и есть то, что мы называем материаль-

ными частицами. Иначе говоря, вся наша материальная вселенная – не больше чем собрание пузырей вакуума.

– Это и есть ваша теория пузырьчатой вселенной? И вы считаете ее новой?

Санников явственно подводил Роя к какой-то новой идее, но зашел очень уж издалека. Он, вероятно, всегда так изъяснялся, от ветхого Адама. Не удивительно, что слушатели теряли внимание, пока он добирался до сути. Рой постарался показать, что интереса не потерял, юноша может спокойно продолжать. Санников продолжал, но беспокойно. Предписанная себе почтительность позы стесняла, он стал вдруг поворачиваться на диване, то откидывался, то снова наклонялся, порывисто поднимал руки с колен, опять опускал их на колени – как рвущийся в бег конь, которого ездок, в данном случае собственная воля, осаживает, с любопытством думал о юноше Рой. Нет, Санников отнюдь не выдает за свою идею пузырьчатости вакуума, ее обсуждали еще в двадцатом веке старой эры. Он просто определил, при каких условиях вакуум вспучивается, выпенивая то, что мы называем веществом, а при каких вещество намертво сковано в вакууме. В доказательстве, что вакуум неоднороден, что в нем появляются слабины и перенапряжения, и заключено все новое, что он внес, на большее он не претендует, он готов удовлетвориться этим скромным вкладом.

– Хорош маленький вклад! – Рой покачал головой. – Теперь, надо полагать, мы перейдем от общих проблем мироздания к делам Космостанции? Я правильно понял ваши намерения?

Да, именно это Санников и хотел предложить. Он напомнил, что звездолет «Протей» обнаружил шар, когда пролетал мимо звезды, превращавшейся в тот момент из нормального светила в «черную дыру». «Черных дыр», то есть небесных тел размером с Луну и массой Солнца, в космосе не меньше, чем блох в шерсти бродячей собаки. Но еще ни один человек не присутствовал при коллапсе звезды, то есть при космической катастрофе, когда гигантский газовый шар за считанные секунды чудовищным взрывом опадает в себя, превращаясь в крохотное тельце с веществом в миллиарды раз более плотным, чем вода. И едва штурманские аппараты установили, что чуть в стороне от курса готовится опасность в себя, как в бездну, какая-то звезда, командир «Протея» без колебаний повернул корабль в район катастрофы. И он сообщает в отчете, что неподалеку от «черной дыры», в которую превратился звездный гигант, обнаружен шар размером с их звездолет «Протей» и взял его на буксир своими силовыми полями. Петр Кэссиди считает шар искусственным сооружением, может быть, даже летательным аппаратом, внутри которого – неведомые разумные существа, и видит одну загадку – как наладить с ним контакт?

На контакте с инозвездными цивилизациями чуть не свихнулись все наши астронавигаторы, раньше на эту тему писали одни авторы фантастических романов, теперь районы возможного гнездования инопланетян внесены в космические лоции. Кэссиди поддался моде и выискивает в космосе «братьев по разуму». И никто не дает себе отчета, что тайна не столько в конструкции шара, объявленного инозвездным кораблем – он, Курт, голову положит на плаху, что никаких разумных существ в шаре нет, – а совсем в ином: в месте, где увидели шар, во времени, когда он возник. Он, Курт Санников, утверждает, что коллапс звезды и возникновение шара – два явления одного физического процесса, возникшего в районе мирового пространства, где пролегал курс «Протея». Не нужно искать контакта с несуществующими существами, все это от примитивного восприятия мира, все это дикарство. Когда-то кругом виделись духи и призраки, а планеты изворачивались на небе в эпициклах, а не в простеньких коперниковских орбитах, а сейчас выдумывают призрачных разумных братьев и в любом космическом шатуне выискивают искусственное сооружение. Все тысячекратно проще – надо только понять физику процесса, поглотившего в бездне звезду и выбросившего наружу крохотный шарик. Остальное несущественно.

– Разве мы делаем не то, что вы хотите, Курт? – Рой искренне не понимал, к чему клонит молодой космолог. – Изучить все, связанное с шаром, – таково наше задание. Что, собственно,

вам не нравится? Доказывайте, что шар не больше чем забавное физическое явление. Никто вам не мешает.

Санников смотрел так, словно не знал: то ли вспылить, то ли расплакаться. Он выглядел растерявшимся ребенком – губы подрагивали, лицо покраснело, глаза влажно блеснули. Он тихо сказал:

– Не умею объяснять. И вам не сумел.

– Я слушал вас внимательно. И не прерывал.

– Не в этом дело – не прерывали... Я хотел короче, а все краткое сложно. На длинные мысли у людей не хватает терпения.

– Вы сегодня говорите одними парадоксами, – добродушно заметил Рой. Примитив сложнее простоты. Фундамент мистики – мистификация. Еще и длинные мысли. Никогда не думал, что истинность мысли можно измерить в метрах.

– Шар должен скоро исчезнуть, – печально сказал Санников. – Я проделал все вычисления... Шар, трофей космического поиска «Протея», с которым так возятся на Виргинии, от курса появления перешел на курс уничтожения. Он должен бесследно раствориться в вакууме.

– Знаете что? Устроим теоретическое собеседование, – предложил Рой. Отчет Кэссиди я усвоил, в нем нет ничего неясного, кроме, конечно, непонятной природы самого шара. А в ваших объяснениях не разобрался. Может быть, совместно поправим дело?

Генрих, узнав о беседе брата с Санниковым, равнодушно пожал плечами. У Генриха бывали периоды увлечения, периоды безучастности, периоды легкомыслия. Рой отнес его состояние к третьепериодному. Он шучивал, отвлекался на пустяки, говорил о мелочах. Рою казалось, что брат увлекся Корзунской: до любви не дошло, но душевная приязнь проглядывала. Рой не был уверен, что увлечения такого рода способствуют делу, у Генриха две страсти в душе не уместались. Рой утешил себя: послушаем доклад Санникова, тот столько всякого наговорит, что не сможет Генрих остаться безучастным.

Санников докладывал два часа, идеи его Рою снова показались весьма смутными, но математика была безупречна: получалось, что шар от гибели удерживала только вливаемая в него энергия, но и ее надолго не хватит.

– Интересно? – спросил Рой, когда братья остались одни.

– Не хуже многих других теорий мирового вакуума! – отозвался Генрих. Поняв, что брата такой ответ не удовлетворяет, добавил: – Не будем торопиться, Рой, поглядим собственными глазами на загадочный шарик.

– Мне кажется, ты слишком много времени посвящаешь Корзунской – и это тебя отвлекает, – упрекнул Рой.

Брат отшутился:

– Она столь очаровательна, что становится безопасной. Я не Андрей, господ себе, даже в женском облике, не ищу. А Людмила из тех, кто главенствует. И потом я обещал Андрею вернуть ее невредимой на Землю. Я слово держу, ты это знаешь.

3

В посещении Главной Космостанции Рою была своя радость – он встретился со старым другом, командиром «Протея» Петром Кэссиди. Восемь лет они не виделись, и – судя по тому, что Петр готовил свой звездолет в новый рейс – встречи не было бы еще восемь лет, не появись сам Рой на Виргинии – планетке, где разместили Галактическую базу и ремонтные заводы.

Рой с волнением, радостно и грустно рассматривал друга. Петр был тот же – и иной. Он постарел. Одного года рождения с Роем, он выглядел человеком другого поколения. На Земле больше ста лет говорили, писали, свято верили в то, что при околосветовых скоростях возраст как бы консервируется и звездопроходцы, воротившиеся после дальних рейсов, должны выглядеть среди земных сверстников юнцами.

Петр своим обликом опровергал это утверждение. Он согнулся, посерел, поседел, лицо исполосовали морщины, в нем мало что осталось от того жизнерадостного, энергичного, средних лет мужчины, какой сохранялся в памяти Роя. Прежним в нем были, пожалуй, милая улыбка, неторопливая походка, только ему присущая доброта голоса, внимательность, с какой он каждого слушал, да еще, пожалуй, нападавшая на него порой задумчивость, почти отрешенность...

Петр встретил друзей на космодроме. Он вызвал авиетку, чтобы лететь на Космостанцию, но Генриху захотелось размять ноги, Людмила заверила, что обожает пешие прогулки, особенно по незнакомым местам, а Рою и Санникову было безразлично – шагать или лететь.

По дороге Корзунская спросила:

– Мы сможем сразу увидеть шар? Не терпится познакомиться с ним.

Звездопроходец с улыбкой покачал головой.

– Шар на другой стороне Виргинии, а Виргиния – с нашу Луну. Но завтра мы туда полетим, обещаю.

– Скажите, с шаром изменений нет? – поинтересовался Санников. – Вам не кажется, что он... вроде бы... Я хочу сказать, он не собирается исчезнуть?

Кэссиди с удивлением посмотрел на молодого космолога.

– Нет, – сказал звездопроходец, подумав. – Признаков исчезновения нет. Зато поглощение энергии увеличивается, что создает трудности у энергетиков.

– Увеличивается – это хорошо, – сказал Санников.

Впереди шагали Рой с Петром, Генрих с Людмилой двигались за ними, девушка то останавливалась, осматривая окрестности, то, хватая Генриха за руку, догоняла первую пару.

– Как удивительно красиво! – твердила она. – Генрих, мы все знаем, что Виргиния прекрасное место, столько раз видели ее на стереоэкранах. Но только живому взгляду открывается вся прелесть! И воздух! Честное слово, не хуже земного!

Атмосфера на Виргии была хуже земной, но ходить разрешалось без скафандров: повышенное содержание озона компенсировало недостаток кислорода. И ходилось здесь легче, чем по Земле: Виргиния была много меньше, но сказывалось урано-платиновое ядро планеты – предметы весили на ней меньше лишь процентов на сорок. Людмила, подпрыгивая со смехом, убеждалась, что способна взять высоту, о какой рекордсменам по прыжкам и не мечтается.

На небе светили три звезды. Первая – в зените, очень яркая, желтая как Солнце; вторая – оранжевая, поменьше, не такая блестящая, – шла неподалеку от главного светила; а третья – красноватая, тусклая – лишь поднималась над горизонтом. И все три светила пробивались сквозь пелену красноватого тонкого тумана, он всему придавал особый цвет. А на почве от каждого предмета разбегались три тени: одна короткая, густая, медленно меняющая очертания, вторая – подлинней и побыстрей и третья, от красного солнца, – самая длинная и быстрая, она явственно сокращалась.

– Я излучаю тени, я вся истенена! – с восторгом воскликнула Корзунская. – И вы все истеняетесь, чудо как хорошо!

– Вот и Космостанция, а рядом – гостиница, – сказал Петр, показывая на группу зданий. – Отдыхайте, вечером встретимся в салоне Станции.

Спустя час к Рою вошел брат – умытый, побритый, в новом комбинезоне.

– Прихорашиваешься, – сказал Рой и с удовольствием втянул в себя запах духов: Генрих душился редко, но сильно, иногда даже чрезмерно. Снова повторяю: не теряй головы!

– Голова на месте, Рой. Как тебе показался Петр?

– Изменился в чем-то, а в чем-то прежний. Ты вот позади все болтал с Людмилой, а Петр сказал мне с десятков слов и задумался, спотыкался на колдобинках, потому что не видел их. Мы и раньше так с ним прогуливались, не произнося ни слова, а потом он мне говорил с благодарностью: «Как хорошо мы с тобой потолковали, Рой». Он принимает свои молчаливые раздумья за оживленную беседу.

– Это и была беседа – телепатический обмен мыслями.

– самого важного не было – обмена. Он о чем-то размышлял, а во мне ответных мыслей не рождалось.

– Мне нравится на Виргинии, – сказал Генрих. – Планета достойна того, чтобы ею любоваться. Сюда надо приезжать для развлечений.

– Пока здесь ни один не выдерживает больше года. Энергетические заводы запущены на полную мощность, каждый виргинец обязан четыре часа в день сверх обычной своей работы дежурить у аннигиляторов. Выражение «падает с ног от усталости» здесь деловая характеристика состояния. Так мне сказал Петр в те три-четыре минуты, когда разговаривал, а не молчал.

– Возможно, завтра мы с тобой будем падать с ног от усталости, а сегодня мне хочется любоваться планетой, – сказал Генрих и вышел на веранду.

С веранды открывался вид на Виргинское море, освещенное тремя солнцами. По морю мчался катер, он покачивался на волнах, вместе с ним качались три его тени, он метался меж них, как бы удирая от одной и набрасываясь на две другие, от него уносящиеся. Генрих отметил, что тени на виргинской воде гораздо отчетливее, чем на земных морях, на Земле тень резка лишь на почве. Он любовался метанием черных силуэтов на море одного телесного, трех прозрачных. Рой крикнул из комнаты:

– Тебе еще не надоело бездельничать? Пора на Космостанцию.

Главная Космическая Станция, управляющая галактическими полетами в звездных окрестностях Солнца, была трехэтажным зданием с высокой глухой башней. И башню, и здание прикрывали купола, один высокий, как богатырский шлем, другой немного побольше, приплюснутый – сегмент на основном здании. Навигационные аппараты станции находились в башне, под большим куполом разместился салон – обычный зал с креслами, столами и столиками, обзорными экранами на стенах и потолке, одни высвечивали свои районы в звездном пространстве, другие служили для стереопередач.

В салоне было человек десять, обширный зал казался почти пустым. Генрих уселся рядом с Людмилой.

– Парадного приема мы устроить не смогли, столько у всех на Виргинии работы, друзья, – сказал Кэсиди. – С нами штурманы «Протея», работники энергозаводов, будем отвечать на ваши вопросы. Посмотрите теперь для начала встречу с шаром.

Один из экранов вспыхнул, он высвечивал путь «Протея» среди светил галактического региона ТК-273. Тысячекратно убыстренные на экране, звезды мчались на зрителей и, так и не ворвавшись в зал, разбегались в стороны «Протей» как бы врзался в густое звездное месиво, расшвыривая светила. Кэсиди комментировал картину. Вся команда взволновалась, когда анализаторы донесли, что крейсер приближается к звезде, готовой в чудовищном антивзрыве внутри себя превратиться из гигантского светила в крохотный темный шарик. Было безмерно

опасно ворваться в район исполинской катастрофы – было захватывающе интересно стать свидетелем еще никем не увиденного антивзрыва. Он спросил экипаж, стоит ли зрелище риска, ни один не сказал «нет». Были усилены экранные поля, боевые аннигиляторы приготовлены для уничтожения любого опасного излучения, любого несущегося навстречу материального тела. Но антивзрыв произошел раньше, чем «Протей» прибыл в район катастрофы, – звезда вдруг просто исчезла. А «черная дыра», комочек невообразимо плотной материи, какой стало недавнее светило, вообще не разглядывалась, это было черное пятнышко, что-то вроде типографской точки, и только сверхзоркие анализаторы свидетельствовали, что черное пятнышко все же мерцает, от него лился слабый свет – призрак, а не тело, воистину черный паук вселенной.

– Теперь посмотрите наш трофей, – сказал Кэссиди.

Это был темный шар идеальной сферичности, вырвавшийся вдруг из беснования взрыва. Звезда рушилась в себя, а он вымчался из центра катастрофы, он был в самом пекле, в горниле невероятно мощных сил, – и выскользнул, гладкий, тускло блистающий. Он летел сквозь район катастрофы как сквозь пустоту, исполинские гравитационные поля, мгновенно сжавшие звезду в крохотный комочек, на него не действовали, он был словно из иного мира, чуждого законам космоса. «Протей» осветил космического незнакомца, шар повернул к звездолету, словно откликаясь на приглашение познакомиться. Именно в этот момент корабельный компьютер объявил, что шар – космический корабль, управляемый разумными существами.

– Если и вправду внутри шара обитают разумные существа, то в контакт с нами они не пожелали вступить, – говорил Кэссиди. – Они не отвечают ни на какие сигналы. Посланец чуждого мира, призрак в металлическом образе существует, мы его наблюдаем, возможно, и нас из него наблюдают – и ничего больше!

– Но энергию нашу шар принимает, – заметил Рой. – Как вы пришли к мысли, что незнакомца надо подкармливать? Это произошло случайно?

Да, случайно, подтвердил Кэссиди. Среди прочих попыток наладить контакт испробовали и обстрел потоком ротонов. На «Протее» ротонный генератор смонтирован приставкой к аннигиляторам пространства, обеспечивающим сверхсветовые скорости. Он не собирается читать лекций по астрофизике, но должен напомнить, что когда аннигиляторы уничтожают пространство, то взамен образуются хорошо известные всем протоны, нейтроны, электроны, мезоны, нейтрино. Эти частицы – результат, так сказать, чистого сгорания пространства, но стопроцентной аннигиляции не бывает, какая-то доля деформируется в эти самые полуматериальные ротонны частично уже вещество, частично еще пространство. Для астронавигаторов ротонны – как угольная пыль из труб для энергетика, они свидетельствуют, что коэффициент полезного действия рейсовых аннигиляторов до ста не достиг – звездолет, рассеивающий много ротонов, пора отправить в ремонт. Исторгнутые из аннигиляторов ротонны обычно выбрасываются в космос и там постепенно сливаются с вакуумом – генератор ротонов, вроде старой трубы, рассеивающей несгоревшую угольную пыль, служит как раз для их выброса. Кому-то пришла в голову мысль направить эту пыль несгоревшего пространства на шарообразного незнакомца, мчавшегося за «Протеем» в его силовых полях. Эффект был ошеломляющим. Шар поглотил все ротонны. Мы увидели в этом возможность контакта, нам показалось, что ротонны – тот самый агент информации, который мы ищем. Никогда еще аннигиляторы «Протея» так скверно, по космическим нормам, не работали, скорость звездолета упала ниже навигационных границ, зато поток ротонов становился все обильней, и шар жадно поглощал их. На Виргинии «Протею» дали отдых, питание шара энергией взяли на себя местные заводы – и могу вас заверить, они трудятся на пределе.

– А каков эффект в смысле контакта? – спросил Рой.

Кэссиди пожал плечами. Никакого! Контакт – двусторонняя связь, один передает, другой отвечает. Связь, несомненно, есть – наши передачи воспринимаются. А ответов – ноль.

– Сколько энергии уже влило в шар? – спросил Санников.

– Можете посмотреть запись.

На экране появился график подачи в шар энергии. Санников воскликнул:

– Вы затратили столько энергии, что можно было изготовить десять таких шаров из чистого железа. Вы знаете, что отсюда следует?

– По-моему, отсюда следует, что шар не из чистого железа. У вас другое мнение?

– Абсолютно другое! Никакое вещественное тело не может принять такую бездну энергии не взорвавшись, не превратившись из скромного шара в пылающую планетку. Вся доставляемая вами энергия рушится в шар, как в яму, проносится сквозь него, как автомашина в открытые ворота.

– Куда проносится?

– Очевидно, в вакуум. Шар – открывшиеся в вакуум двери. В этом его загадка и в этом его значение.

Рой снова спросил:

– На чем вы все-таки основываете мысль, что внутри шара – разумные существа?

– Мы их видим, – сказал Кэссиди. – А сейчас и вы увидите.

Шар, увеличиваясь, захватил половину экрана – по-прежнему идеальная сферическая конструкция, похожая на маслянистую каплю, взвешенную в жидкости. Цвет шара менялся при каждом повороте изображения, словно и не было у него собственной окраски, а впечатления цвета привносились извне: он виделся то густо-красным, то желтел, то зеленел, синел, снова краснел. И вдруг – Кэссиди молчаливым жестом призвал зрителей к вниманию – все краски шара стали слабеть, он казался уже холодно-беловатым, потом и беловатость ослабла, теперь он был как бы затянутый туманом, и туман рассеивался – шар впадал в полную прозрачность: возникшее в нем собственное освещение сделало видимым, что совершалось внутри.

– Картинка! – удивленно бормотал Генрих.

В шаре перемещались странные фигурки, скорей силуэты, а не тела: темные, расплывчатых очертаний, к тому же менявшие форму, то круглые, то вытягивающиеся из круглых в цилиндрообразность, то превращавшиеся в блин, то сворачивающиеся змеями. Силуэты переплетались, удалялись один от другого, снова сходились, ошестинивались отростками, как будто взаимно ощупываясь, снова расходились... Внутри шара толклась толпа теней, все казалось беспорядочным в их перемещениях, а когда представилось, что какой-то порядок смутно улавливается, шар утратил прозрачность и снова окрасился разноцветно – из желтого становился синим, из синего зеленым, из зеленого красным.

– Любопытные эти картинки мы видим в пики потребления энергии, комментировал зрелище Кэссиди. – Но что означает пляска теней, понятия не имеем. Компьютеры квалифицируют силуэты как изображения живых существ. Но разумных сигналов от них мы ни разу не получили.

– Может, непосредственное наблюдение даст больше данных? – спросила Людмила.

– Вы поглядите на шар завтра, – повторил Кэссиди. – И могу заверить, что это ничего не даст. Шар отчетливей на экране, чем в натуре. Не забывайте, что анализаторы совершенней наших глаз.

Рой спросил Генриха, когда они вышли из зала:

– У тебя демонстрация шара вызвала какие-либо интересные мысли?

– Никаких, – весело отозвал брат. – Зато у Курта таких мыслей тысячи, погляди, как он хмурится. Ручаюсь, он перекачивает в голове новые идеи, как валуны, – прямо-таки физическая работа. И Людмила раскраснелась, у нее блестят глаза, это свидетельство обжигающих мозг идей. Почему бы тебе не поспросить обоих?

– Они сами придут ко мне докладываться, – предсказал Рой. – Что собираешься сейчас делать, Генрих?

– Гулять, Рой. Прошвырнусь по-земному в виргинских парках, надышусь до головокружения виргинским озоном.

– Вместе с Людмилой?

– Не с тобой же, Рой. Ты, несомненно, погрузишься в проекты и графики срочных действий, – хотя тебе самому непонятно, зачем их делать.

– Непонятно, – подтвердил Рой. – Но что-то же надо делать.

4

Как и предупреждал Петр Кэссиди, осмотр шара вблизи ничего не дал. Шар покоился в облаке пыли. Дежурный энергоинженер объяснил, что пылевой туман – результат непрерывного внедрения в шар огромных масс энергии состоит из захваченного вещества самой Виргинии. Посторонних веществ нет.

Людмила объявила, что пыль мало интересна. Генрих зевал. Санников один многозначительно качал головой, словно объяснение электроинженера подтверждало самые смелые его догадки.

В гостинице он пришел к Рою, на этот раз не испрашивая предварительного разрешения.

– Вы с новыми, невероятно сложными простыми идеями, Курт? – спросил Рой. – У меня просьба – не развивайте долгих объяснений. Боюсь, я неспособен вникать в слишком длинные доказательства.

– Хочу предложить план исследований шара, – сказал юноша. Доказательства буду излагать, если вы потребуете их сами.

Прежде всего надо выяснить, говорил Санников, правильно ли, что шар пузырь, выбросившийся из вакуума и теперь втягивающийся обратно. Он настаивает именно на таком толковании. Если оно верно, проблема упрощается. Энергия, вливаемая в шар, тормозит его исчезновение. Отсюда первое действие – сократить подачу энергии и понаблюдать, как поведет себя шар.

– Принимается, – сказал Рой. – Но допустим, что при сокращении подачи энергии шар – в соответствии с вашей гипотезой – покажет стремление сбежать из нашего мира. Разрешим ему улизнуть?

– Ни под каким видом! – поспешно сказал Курт. – Только тогда и начнется настоящее изучение.

Он постарался, помня условия Роя, быть кратким. Если шар станет быстро втягиваться в вакуум, подача энергии немедленно восстанавливается. Будет доказано, что внутри шара имеется провал в мировой вакуум, куда и рушится энергия. Превращение гигантского газового светила в сверхплотный комочек вызвало разрыв вакуума. И шар не что иное, как защитная пленка вокруг разрыва. Разрыв затягивается, пленка вбирается внутрь. И, стало быть, следующее действие – найти в центре шара этот самый разрыв. Для этого проникнуть в его недра в специальной капсуле – сперва автоматы, потом и люди...

– Вы с ума сошли, Курт! Какая безумная идея! Вы соображаете – при таком потоке энергии, да это же в миллионы раз опасней, чем вплавь одолеть Ниагару. Любая капсула мгновенно превратится в плазму.

– Я все продумал! – заверил юноша. – Во-первых, при запуске капсулы подача энергии прекращается. Во-вторых, мы применим ваше собственное изобретение. В вашей лаборатории доработана антигравитационная защита академика Томсона. Сквозь стену, не нарушая ее целостности, у вас свободно проскальзывает снаряд с человеком. Андрей говорил, что вы сами проходили сквозь гранитную скалу толщиной с десятков метров. Почему не воспользоваться вашими экранными полями? Игра стоит свеч!

Юноша серьезней, чем показался поначалу, думал Рой, искоса поглядывая на Курта. И если даже идея его неверна, почему не доведаться, в чем ошибка? И отчего не проверить экранирование на важном деле, а не только на проскальзывании сквозь стены? Испытания, произведенные на Земле, отдают все же фокусничеством – игровые спектакли, красочные демонстрации возможностей экранных полей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.